

Своеобразие философского дискурса Н. А. Бердяева

А. В. Усачев

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина,
Российская Федерация, 399770, Елец, ул. Коммунаров, 28

Для цитирования: Усачев А. В. Своеобразие философского дискурса Н. А. Бердяева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 4. С. 682–695. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.407>

Опровергать мнение о хаотичности изложения проблем и доминировании бессознательного в текстах Н. А. Бердяева — значит попадать в онтологическую зависимость от них. Это не выводы, сделанные на основе анализа творчества философа, а цитирование самооценки философа, к которой он прибегал не один раз. В ней нет аналитической и эвристической ценности. В образе мыслей Н. А. Бердяева одновременно присутствуют христианские интуиции и оппозиционная структура, характерная для философского творчества в целом. Особенности мышления русского философа сказываются в органичном сочетании таких видов философского творчества, как персонализм, экзистенциализм, а также интуитивных компонент восточно-христианского миропонимания. В философии Н. А. Бердяева есть также космологические компоненты, которые содержат утверждение о том, что мир входит в эпоху третьего периода, настает время для свободы и творчества. Особенности мышления Бердяева могут быть оценены с точки зрения синтетичности и уникальности, которые существенно отличают его способ мыслить от типичного философского мышления Нового времени. По мнению русского философа, анализ и расщепление не могут служить отправным пунктом для мыслительного процесса. Оппозиционная структура имеет персоналистическую направленность. Без творчества и свободы философия неклассического периода не имеет значения, так как потенциал формальной и диалектической логики уже ярко и фундаментально сказался в лучших образцах классической философии. Важный уровень философии Н. А. Бердяева — это бинарная структура мышления.

Ключевые слова: религиозная философия, экзистенциализм, персонализм, логоцентризм, дихотомия, бинарная оппозиция.

Н. А. Бердяев стал автором новых философских оппозиций, которые были основой его мышления. Он самый не систематичный из мыслителей экзистенциально-направленного, таких как К. Ясперс (K. Jaspers), М. Шелер (M. Scheler), Ж. Маритен (J. Maritain), Э. Мунье (E. Mounier), Г. Марсель (G. Marcel). Перечисленные мыслители пользовались традиционными бинарными парами сущности/существования, бытия/ничто, возможности/действительности и т. д. Н. А. Бердяев же стал творцом новых инструментов мышления [1, с. 197]. Если его коллеги по философскому творчеству не внесли в этот арсенал ничего нового, то он сделал это, предложив аналитический аппарат для осмысления явлений, связанных с сотериологической и эсхатологической сторонами философского дискурса. Например, философ увидел в первой трети XIX в. величайшую по значению и смыслу жизнь двух русских

людей, которые внесли большой вклад в народную жизнь. В одном опыте мысли, на который ранее никто не решался, он проанализировал религиозный подвиг Серафима Саровского и гениальность А. С. Пушкина. Этот факт и незримое диалектическое сочетание дало повод Бердяеву говорить о заостренном соотношении, которое «схватывается» оппозицией «гениальность/святость». Из нее рождается целая философия, которая под разными углами зрения нетривиально раскрывает сущность зарождения, с одной стороны, золотого века русской культуры, с другой — современной православной святости, непосредственно соприкоснувшейся с лихолетьем [1, с. 198]. В этом же ряду находится дихотомия спасения/творчества, группирующая вокруг себя проблематику творческого поиска и дерзания, и исконной задачи подлинного философского мышления, связанным с созерцаниями духа [2, с. 134]. Можно сказать, что западный бинаризм ярко отражен в теории субстанций Декарта [3, с. 274]. В то же время референтом в сочетании понятий философии Н. А. Бердяева выступают не умозрительные сущности, а исторические личности, память о которых составляет живую ткань исторического бытия народа.

Снискав популярность и признание на Западе благодаря своему стилю философствования, Н. А. Бердяев остался русским религиозным философом. Его тексты не ассимилировались в потоке западных книг. Несколько причин определяют такое положение дел. Во-первых, русский мыслитель не являлся представителем систематической философии и не развивал идеи направлений, которые концентрировались на факультетах и кафедрах европейских университетов. Он связывал это со своим свободолобием, доходившим порой до необъяснимых пределов. Оно придавало его философии стиль свободного размышления над различными темами. Философ придерживался принципа беспредпосылочности в выборе тематики своего мышления. Н. А. Бердяев называл это «живыми созерцаниями духа». В более простом толковании такой метод можно было бы обозначить как произвольную разработку той или иной темы в зависимости от ситуации [4]. Мало ли сказано о войне, свободе, творчестве, личности? Однако если экзистенция действительно характеризуется данными факторами в качестве главных и судьбоносных, то само мышление, которое активизирует эту тематику, вновь и вновь представляет собой событие в мире. Тематика является составной частью данной экзистенциально насыщенной ситуации. Такой стиль отличает Н. А. Бердяева, например, от М. Хайдеггера (M. Heidegger), который в многочисленных интервью зачастую вместо повторения мысли отсылал к факту ее высказывания в той или иной книге. Для немецкого философа отношения экзистенции и слова были более статичными и не располагали к повторению. Н. А. Бердяев основывался на том, что слово обладает существенной силой. Существенность философского слова определяется реальным потоком свершений и переживаний [5]. Американский исследователь творчества Н. А. Бердяева А. Цамбассис в 1964 г. писал: «Поэт, композитор, художник, теолог, государственный деятель — перспектива каждого из них творить ценности на своем веку — ограничена. Частичность и фрагментарность их творчества продиктована специфическими целями и нуждами. Это именно философское — предоставлять последовательную трактовку и единую организованность, подводить к научным открытиям и вдохновлять на них. Такого рода вклад попытался сделать Бердяев. Ясно, что он не учил каким-либо истинам и не формулировал что-либо из числа верных гипотез, но он высветлял человеческий опыт. В этом и заключает-

ся мудрость философа» [6, с. 38]. Н. А. Бердяев был восточно-христианского православного вероисповедания, и его творчество коренилось в философско-нравственном поиске русских святых, а также писателей А. Хомякова, Ф. Достоевского и др. Поиск был очень насыщен событиями. Он нес важнейшую идею об истине, которая свободна от схоластической и юридической машины латинской церкви и релятивизма протестантской. Такого рода укорененность накладывала отпечаток на стиль и задачи мышления. Предметное выражение мышления было связано с написанием книг, а также с подвижническими акциями. Его общественное служение собирало молодежь, верующих людей из числа эмигрантов и просто западных обывателей [7, с. 114]. Русский философ был далек от академической условности, и живой взор людей, которые все больше проникали в пафос и смысл его бесед, был для него важнее всех остальных атрибутов популярности. Протест против милитаризма, безликости, античеловечности происходящих в Европе событий накануне Второй мировой войны — это важнейшие темы его бесед.

Родовой признак философии Бердяева, который делает утверждение о полной бессистемности его размышлений ложным, — бинарные оппозиции. Видовое отличие использования им противоречивой структуры дискурса является более чем интересным и поистине уникальным явлением. То, что делает русский философ в своих текстах, размышляя о наличном бытии, можно обозначить как культурологический бинаризм. Это означает, что не на бинарных оппозициях выстраивается культура и бытие, которое подвергалось деструкции, деконструкции, критике. Бинарные оппозиции взяты из реального бытия культуры, из ее экзистенциальных свойств и особенностей, фиксированных как неповторимый опыт. Вот некоторые из них у раннего Бердяева (в период до вынужденной эмиграции): любовь/свобода, творчество/спасение, святость/гениальность. У позднего Бердяева (во время пребывания в Берлине и Кламаре): иметь/быть, Я/мир (объектов), дух/объективация. Характерной чертой бинарных оппозиций первых программных произведений «Философия свободы», «Смысл творчества», «Смысл истории» состоит в том, что ни на одном из терминов нет центрации в контексте культуры. Ничему не отдано объективного предпочтения: ни свободе, ни любви, ни спасению, ни творчеству. В трансцендентном отношении, «перед лицом вечности», они все имеют предельно важное значение, чего, например, нельзя сказать о бинарных оппозициях, составляющих ядро западной метафизики. Она составлена из оппозиций, в которых есть центрация на одном из терминов. Речь идет о приоритете сущности перед существованием, качества перед количеством, теории перед фактом в соответствующих дихотомиях.

Социальный мир стал одной из ведущих тем философии Н. А. Бердяева. Его особый интерес вызывают существенные черты социального бытия. Идея философа об обществе составляет сокровищницу персонализма. В одном из поздних текстов мыслитель пишет: «Лишь извне с социологической точки зрения личность представляется подчиненной частью общества, и притом очень малой частью по сравнению с массивностью общества... С экзистенциальной точки зрения общество есть часть личности, ее социальная сторона, как и космос есть часть личности, ее космическая сторона» [8, с. 411]. Это наталкивает на мысль о парадоксе. Важно учесть, что Н. А. Бердяев учился философствовать, читая книги Канта и Гегеля, как и большинство европейских философов. Его не смущает рационалистическая

постановка вопроса о решении проблемы личности и общества. Н. А. Бердяев утверждает, что не личность является частью общества, а общество является частью личности. Общество в качестве части личности можно истолковать двояко. В личности иррациональный, интуитивный и духовный компоненты уживаются с разумным. Отдавать приоритет одному из этих качеств — непродуктивная стратегия в размышлениях. Диалектическая основа такого размышления находит свое выражение, например, в философии И. А. Ильина. Он, в частности, говорил, что всеобщее входит в единичное в качестве сущности, а единичное входит во всеобщее в качестве части [5]. Общество в контексте этого диалектического вывода действительно может быть частью личности в духовно-мыслительном срезе, если учесть, что оно не всегда является исключительной темой в сознании человека. Обстоятельство, которое проясняет приведенный парадокс, связано с Кантом. Общество — это прежде всего идея среди других идей. С внутренней стороны оно является вещью в себе, следовательно в своей объектной стороне для человека оно неуловимо [9]. Можно вести речь только об идее и понятии общества. И в этом случае опять нет парадокса. Западная традиция, на фоне которой возникает эффект парадокса, является логическим источником приведенного высказывания. Однако дело не только в этом. Свобода, личность, творчество, вера — главные экзистенциалы в философии Н. А. Бердяева. Они не выводятся из логических предпосылок. Можно сказать, что они не являются результатом многомерного снятия в процессе эволюции и развития мысли, как у Гегеля. Это другой уровень бытия. Он связан только с личностью как новой реальностью, организующей вокруг себя общую устремленность за рамки необходимости и материально-телесной замкнутости [7]. Данный парадокс раскрывает цепь значений социализации человека с качественной, а не количественной стороны. Здесь меньше расчета на результат, но больше свободы, не зависящей от общественного строя и образа власти. В таком типе мысли личность поистине находится вне времени и пространства. Человек становится личностью не тогда, когда в совершенстве овладевает социальными практиками, венчает их искусностью своего разума, это происходит в тот момент, когда человек мужественно отказывается от проникновения в «мудрость мира сего», отчетливо осознает, что он не в состоянии без потерь для своей индивидуально-личностной природы вступить в бесконечный круговорот социализирующих условий и практик [1, с. 194]. Э. Золя говорил, что знает этот суетный мир как свои пять пальцев. Такая постановка вопроса, как, впрочем, и тон самоуверенности, не подходит для решения вопроса личностного становления. Удел личности — свобода. Удел свободы — проявлять личность. В такой взаимной обусловленности главных понятий персонализма для человека прорисовываются контуры духовной автономии, которая сберегает экзистенцию от безликости и фрагментарности [1, с. 211].

Диалектика личности и мира — важнейшая тема книг Н. А. Бердяева, которая проявляет своеобразие мышления философа. Их философское значение состоит в том, что личность человека как цель и как духовная сущность канули в Лету в современном мире [10]. Вместо этого набирало силу инструментальное толкование разума и бытия человека. Ничего более сокрушительного, по мнению русского философа, для человеческой сущности и представить себе невозможно. Экзистенциальные характеристики философского творчества, в западном понимании, сужены до предела. В западном менталитете мыслительная деятельность рождается

через производство, через предметную и материальную деятельность [11]. Духовность вдумчивого и проникновенного слова переместились на второй и третий планы. Следовательно, только теоретическая работа является самой существенной и важной для западного философского движения. В то же время нельзя не заметить такую особенность западного мышления, как расхождение мысли с делом. Например, К. Маркс написал теорию обращения денег и товара, не имея ни того, ни другого в своем распоряжении [12]. Жан-Поль Сартр (Jean-Paul Sartre), будучи одним из руководителей французского сопротивления во Второй мировой войне, написал свой программный труд «Бытие и ничто» (1943), в котором о войне ничего нет. Кратковременный опыт ректорства М. Хайдеггера при нацистах — в частности имеется в виду его речь «О самоутверждении немецкого университета» (1933) — не получил в дальнейшем внятного объяснения ни в устах самого мыслителя, ни в работах его коллег и учеников [13]. Во всем чувствуется разлад жизни и мысли, отсутствие связующих субстанциальных нитей, которые не обеспечивают контекст для интерпретации поведения и мышления интеллектуала. Н. А. Бердяев придерживался той точки зрения, что в подлинной философии раскрывается обязательная связь мысли и бытия.

Можно отметить, что стиль Н. А. Бердяева сочетается с пониманием смысла бытия философа, который выражал его друг Л. Шестов [14]. Философам трансцендентальных направлений, часто повторял Л. Шестов, неплохо было бы выразить идею добровольного заточения в четырех кабинетных стенах, когда они пишут теорию жизни: ведь это и есть их жизнь. Н. А. Бердяева не нужно было заставлять принимать динамичный стиль, который бы выражал смысл ситуации — он обладал им вполне. Важнейшая часть философии Бердяева имеет отношение к свободе и творчеству. «Узником свободы» называли его французские коллеги, русскому философу это не нравилось, но точность определения поразительная. По воспоминаниям Л. Рапп-Бердяевой [15], он не выходил из дома даже при бомбардировках Кламара и окрестностей, считая ниже своего достоинства поступаться свободой перед лицом смертоносного металла. Честность и последовательность в идеях и образе действий была предельно высокой и достигала сократовского тождества личности и мысли. Дискурсивная основа философии Н. А. Бердяева имеет аналогию в общей характеристике соотношения русского и западного мышления. Конечно, российское в нынешнем веке, в неклассической культуре, довольно трудно однозначно отделить от феномена европейского духа. В конце концов, и свобода — виднейшая тема европейской мысли, нашедшая конкретизацию в теории гражданского общества. Одной из главных тем западной философии является построение Царства Божьего на земле, которую именно в такой формулировке европейский мир узнал из книги Канта «Религия в пределах только разума». Многие русские философы, писатели, богословы возвращались к этой идее и переживали ее как эпохальную и решающую. Уникальное видение русской философии этой темы было очевидным. У Н. А. Бердяева такой темой, играющей роль водораздела с западной традицией, было бытие и его значение для современного философствования. Он не принимал убеждения представителей западной философии, что бытие может организовать изначальное вопрошание. В теме бытия можно преодолеть калькулирующее мышление и одномерное существование, чтобы проложить дорогу к сущностям, которые были открыты еще древним грекам [16]. Такие задачи через аналитику бытия

не представлялись Бердяеву посильными. В первую очередь у него речь шла о том, что понятие бытия — продукт многократной рационализации. Оно — символ совершенно другого. Говоря о бытии, можно вести речь о распаде положительных задач философии. Конечно, диалектически любое положительное понятие содержит в качестве своего иного прямую противоположность. Однако Бердяев видит диалектику не в гегелевской методике толкования сущего в его противоречивой структуре. Его видение особое. Он прежде всего берет за основу контекст бытия в западной традиции и делает вывод, что оно не может раскрыть большинство смыслов, которые необходимы философии. Отказавшись от темы бытия в западном значении этого понятия, русский философ стоял на стороне живых созерцаний духа, которые делали бытие не тотальностью, а фрагментом. В результате Н. А. Бердяев владел думами многих людей: и своего поколения, и тех, кто учился у него, и тех, кто ждал его книги и бескомпромиссные опыты аналитики бытия.

Во время эмиграции острое разочарование в необходимости своей философии для российской аудитории больше направило усилия философа на людей, составляющих внутреннюю европейскую оппозицию милитаризму, утилитаризму и неумолимой поступи цивилизации. Бинарные структуры приобретают более ортодоксальный характер. Можно найти условные и, конечно, не очень строгие соответствия им в классических противопоставлениях западной философии. Я/мир объектов находит аналогию в Я/не-Я Фихте, иметь/быть (тема, которую Бердяев развивал синхронно со своим французским коллегой и другом Ж. Маритеном) вполне соответствует гегелевской паре в-себе-бытие/для-себя-бытие и т. д. Рационалистический компонент стал показательным, но в качестве своеобразной «компенсации» его талант нашел блистательное самовыражение в историософских штудиях. Они нанесли существенный удар по стереотипу, имеющему источником философию истории Гегеля, который определял славянские народы в качестве неисторических. Такого яркого поворота от интерпретации П. Я. Чаадаевым теории Гегеля к восточно-христианской философии истории до Бердяева не делал никто. Он отвернулся от неуверенной апологии истории и культуры славян к сильной и аргументированной позиции, которая предполагала их активное участие в истории. Такие попытки были и раньше. Достаточно вспомнить, что великолепная и концептуальная книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» целыми тиражами уходила в макулатуру и почти никем не была услышана. Система анализа истории, предложенная там, является простой, эффективной и предельно целостной. Но именно Н. А. Бердяев своими усилиями сделал историческую Россию более понятной и открытой. Он выражал идею, согласно которой Россия стоит на пороге новой стадии развития, неведомой Европе. Историческое бытие России не может быть полностью рационализировано. В нем есть онтологическая тайна.

Своеобразие философского дискурса Н. А. Бердяева выражается в его концепции человека. Человек — существо противоречивое — это утверждение довольно банальное. Но оно же позволяет эффективно разработать начало концепции, исходящей из идей Гегеля о господине и рабе. Взаимозависимость раба и господина в едином социальном целом самый наталкивает на простой вывод [17]. Этот вывод позволяет Бердяеву найти интеллектуальное пространство для поиска новых ответов. Он уходит от однозначности диалектики господина и раба через введение в философию такого субъекта, как свободный человек. Если все, что подвергалось

его критике, заключено в диалектике отношений господина и раба, то все инструментальные вопросы абсолютно непригодны для аналитики и продумывания сущности власти для «свободного». В этом проявляется своеобразие философского дискурса Н. А. Бердяева. В диалектике отношений господина и раба сталкиваются современные дискурсы о власти как преобразующей силе, которая конструирует сущее. Философ писал: «В рабском мире объектности насилие считают силой, проявленной силой... Сила в более глубоком смысле означает владение тем, на что она направлена, не господство, при котором всегда сохраняется внеположность, а убеждающее, внутренне покоряющее соединение» [18, с. 89]. Мыслитель тем самым дает понять, что через внешнее воздействие на сущее, даже через филигранную разработку инструментальной стороны власти, невозможен прорыв к подлинному бытию личности. Оно определяет существенное личностное начало, которое способно преобразовать мир, но не к лучшему или худшему, а в соответствии с замыслом об историческом бытии в недрах «вечности» [19]. Именно в философии Бердяева очень хорошо просматривается тонкое удержание от устремлений революционеров и модернистских наукообразных мечтаний. Религиозный компонент, основанный на вере в страдающего Бога, в воскресение и искупление, не позволяет отождествлять будущее с безусловным улучшением в цивилизационном смысле, т. е. в воплощении и неуклонном росте комфорта. Человек в ситуации комфорта берется абстрактно вне его отношения к истине сущего. Воля, реализуемая в истории и во властных действиях, может быть объективирована таким образом, который совсем не подходит под внешние параметры благополучия. Не только благообразие в материальном мире может считаться движением вперед. Бердяев отмечал: «Мир плох не потому, что в нем есть материя, а потому, что он не свободен, порабощен» [20, с. 97]. Другими словами, почти вся философия без исключения решает вопрос о власти и подчинении в рамках классической постановки вопроса о господине и рабе. Временное ощущение раба свободным в некоторых ситуациях не может быть взято за основу. Проблема заключается в том, чтобы решить этот вопрос в принципиальном соотношении господина и раба. Рабство может проявляться и в привязанностях господина к различным элементам мирского бытия. Необходимо решить всю совокупность неясностей с дискурсом о власти и силе для «свободного», для субъекта [21, с. 138]. Тем самым человек может выбиться из порочного круга постоянного возвращения к категории необходимости, которая характерна для природного, физического мира, и, следовательно, к соблазну позитивистского упрощения истинной сложности этой философской темы. Раб и господин одинаково несвободны в дискурсе о власти. Зачем решать вопрос о несвободе несвободного, хоть в роли господина, хоть в роли раба? Нужно решать вопрос о свободе свободного, о силе власти в непосредственном бытовании личности вне социологических квалификаций и проектов — вот какой мотив звучит в философии Н. А. Бердяева. Хотя творческий характер бытия личности в свободе предполагает и в достаточной мере непредсказуемые толкования власти и ее истока: «Вольны мы, но ветра любой порыв нас теснит и влечет...» [22, с. 77].

Еще одна важная часть философского дискурса Бердяева — тема бытия философа. Первичным качеством бытия философа является личность. Близкий друг и вечный оппонент Бердяева Л. Шестов на страницах одной из книг писал, что истинно философская постановка вопроса заявляет о себе тогда, когда мы скорее

жалею не о том, что из нашего мира уходят идеи (например Платона), а об уходе из жизни самого философа, его неповторимой личности [14]. Именно такая конструкция мысли позволяет говорить о вхождении в проблематику религиозно-философской антропологии. В своих письмах Бердяев постоянно в дружеской форме указывал Шестову, что в его творчестве не хватает восточно-христианского мироощущения. Это означает, что в философии, которая укоренена в христианстве, многие вещи очевидны. Например, отношение личности философа и идеологии. Абстрагирование личности философа от его идеологии — прием искусственный, хотя и ярко демонстрирующий особенности философского взгляда. В этом видится правота Н. А. Бердяева. Был прав и Шестов, потому что и сейчас мы проникновенно всматриваемся в «близкие дали» пространства мыслей философа Н. А. Бердяева. Благодаря этим идеям возникла целая философская школа, которая получила развитие, к сожалению, не в России, а в Америке и Франции и вошла в интеллектуальную палитру мировой философии под названием «персонализм» — философия личности. Н. А. Бердяев утверждает, что именно идеи транслируются через века и выживают гораздо успешнее своих авторов, предоставляя очередным современникам думать, что они самостоятельны в выборе исторической или научной стратегии. Кто сегодня не знает о том, что возвращение назад к прошлому есть еще большая утопия, чем осуществление светлых проектов будущего? Это подметил Бердяев, попутно указав на то, что при всех своих монархических и православных взглядах не может смириться с мечтой о полной реконструкции дореволюционной старины из-за того, что она однажды уже создала предпосылки к революции, к кровавому и еще не до конца осмысленному событию новейшей истории России. Далеко не редко то там, то здесь звучит в его произведениях печальная нота — настоящее время характерно тем, что утопии сбываются, но люди при их реализации не находят желаемого [23].

Социальные отношения также стали предметом философского дискурса Н. А. Бердяева. В 20-х годах минувшего столетия в организованной Бердяевым Вольной академии духовной культуры обсуждались темы «атомизации» современного общества, индивидуализации социальных, политических и гуманитарных практик. Эпоха двоящихся мыслей, двойной морали, несбалансированного духовного бытия, регресса личностных качеств человека, отказавшегося от признания сверхиндивидуального бытия, — все эти предикаты текущей минуты экзистенции были прозрениями одного человека. Бердяев был профессором философии в Академии около двух лет, пока правительство новой России не отправило его на философском пароходе к «другим берегам», в Германию [20]. В текстах этого периода он говорил о смене принципов легитимации всей иерархии ценностей и способов их обоснования. Такую же идею человечество прочтет через двадцать лет у К. Г. Юнга (C. G. Jung), раскрывающего явление регресса личности, а через пятьдесят — в текстах идеологов постмодерна: Лакана (Lacan), Делёза (Deleuze), Гваттарри (Guattari) и др. Надо отметить, что психоаналитики и постмодернисты фиксировали данность своих времен. Они не повторяли мысли русского мудреца. Его пророческое мышление четко фиксировало особенности социального бытия в XX столетии, которые стали предметом обсуждения гораздо позже. Это можно прояснить, если учесть своеобразие Востока и Запада. С Востока всегда шли интуиции и ощущения бытия, а не теории и формулировки. Было бы по-другому — острота противоречий

духовного познания и рационального освоения бытия никогда бы не дала о себе знать. Именно такая структура познания стала во многом культурообразующей для России и позволила появиться на свет множеству предсказаний и предупреждений о социальной судьбе Европы и всего мира [24]. Голос Н. А. Бердяева отчасти слился с хором голосов, которые выражали эсхатологические предчувствия — в одном цивилизационном поле на принципиальном уровне все так или иначе говорят примерно одно и то же. Н. А. Бердяев своим творчеством осуществлял главную, по его мнению, функцию философии — профетическую. Он предсказывал, а не дедуцировал. Он шел на поводу «живых созерцаний духа», а не претендовал на исключительность своего рассмотрения и однозначное авторство своих открытий. Такая тематика уверенно вписала его размышления в общее европейское пространство, давая расширенную трактовку проблемы человека, способов его самоопределения. Это было особенно интересно в такой форме современной жизни, где основные краеугольные камни культуры уже определены. «Воля к преобразению культуры в бытие, — писал мыслитель, — создает кризис культуры. Она ведома величайшим людям культуры, и через них совершается кризис. Воля к последнему, истинно онтологическая воля, не может довольствоваться отдельными, автономными сферами культуры, она направлена к единству и целостности... В нашу эпоху нет видимого и признанного духовного центра, центра умственной жизни эпохи. Университет перестал быть таким центром, он не имеет духовного авторитета. Властители дум нашей эпохи не академики. Ни академическая философия, ни академическое искусство не имеют никакого жизненного влияния» [8, с. 87–88].

Как и большинство русских философов той поры, Н. А. Бердяев прошел через горнило двух главных испытаний, которые иллюзорно сулили решение многих назревших к тому времени социальных проблем. Первое было связано с марксизмом. Второе касалось политического движения «Новое религиозное сознание», выдвинутого им на повестку дня совместно с Д. Мережковским. Первое было судьбоносным. Второе пыталось выйти на рубеж активного диалога с Русской православной церковью. Ортодоксальным марксистом Бердяев не стал. Ссылка в Вологду не была для него жестоким испытанием, скорее оно было жестким, решающим в выборе судьбы, в определении его таланта. Оно вылилось для будущего мастера мысли в прерванное образование в университете, настойчивое сомнение в действенности бунтарской формы социальной активности [25]. Но именно такое стечение обстоятельств позволило философу перейти от романтического освоения теории Маркса и максималистских студенческих демонстраций с соответствующими лозунгами о социальном равенстве к реальным научным диспутам о природе и задачах самой популярной к тому времени трактовки социальности. «А диспуты в Вологде шли жаркие. “Демократия”, возглавляемая Богдановым и Луначарским, как и полагается, теснила “аристократию” (Бердяев, Савинков, Ремизов), склонную к идеализму и метафизике. Побиваемые на земле на основании науки и логики, идеалисты уходили на Небо, в область трансцендентного» [26, с. 11]. Тогда обнаружилось, что пафос преобразования и революционных перемен вовсе не ведет к реальной смене качества дискурса о власти. С одной стороны, «власть есть обязанность, а не право, а власть есть тогда лишь правая, когда она осуществляется не во имя своих, а во имя Божье, во имя правды» [27, с. 137]. С другой — «революция никогда не бывает такой, какой она должна быть, ибо нет должной революции и не может быть

революция долженствованием» [27, с. 139]. Роль Русской революции в истории России никогда не исчерпает свои смыслы и значения. Семантика этого исторического события не замкнута только в возможности рассуждений о том, как бы продвинулась социально-экономическая линия развития нашей страны при каких-либо других формах исторического творчества. Нельзя отрицать одно: русский коммунизм дал начало богатейшей традиции философии истории, в недрах которой были выработаны разносторонние теории и выводы о характерных чертах современной эпохи. Н. А. Бердяев был одной из центральных фигур, участвующих в этих процессах. Деятельность в «Новом религиозном сознании» дала главный толчок для формирования философской уверенности Бердяева в том, что доминирующая проблематика современности связана с человеком и основными экзистенциалами его присутствия в мире. Исследуя эту тему, русский философ высказал много неоднозначных и оригинальных мыслей [28].

Онтология с античных времен задается вопросом о подлинности. Путаница авангардных классов, охваченных модернистской идеологией, в этом вопросе во многом стала решающей для формирования новой концепции. «Давно, давно уже пора вам ослабить ваше движение на поверхности и начать движение вглубь, давно пора одуматься, заглянуть в глубину души, в которой поистине должна открыться вся бесконечность мира и бесконечность Бога. Необходимо вам преодолеть замкнутость вашего социального самочувствия, необходимо ощутить общественность неотрывной частью космического целого, необходимо сознать общественность неотрывной частью и ступенью Божественного миропорядка... Тысячи нитей связывают общественность человеческую, затерянную на небольшой точке необъятного мирового целого, с жизнью великого космоса, Божьего мира» [20, с. 271]. Нет сомнений — это очень высокие требования к творцам новых эпох, к новым субъектам власти. Но ведь и цена, которая открылась взору философа, совсем не легкомысленная. Любое действие с намерением изменить ход бытия сущего и его структуру ставит главной целью изменения, доходящие до смены сознания, психологии, образа человека. Эпоха Просвещения в Европе, а после — мятежная Россия пытались сказать по-новому, то, что было от века: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему...» (Быт. 1: 26), «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1: 27). Кто же пытался творить на этот раз? Таким творцам Н. А. Бердяев дает многогранное определение: они были движимы идеей всеобщего равенства и счастья. Отчасти признавая творческий характер осмысленного бытия революционных классов, философ склоняется к тому, что все-таки нельзя любое претенциозное действие почесть за творчество, за создание нового качества, укорененного в глубинах созидającego духа.

Н. А. Бердяев утверждал, что не личность является частью общества, а общество является частью личности. Именно такое соотношение данных категорий разворачивает мысль в парадоксальную структуру, которая схватывает сущность личности и ее универсальный смысл.

Н. А. Бердяев явился творцом новых оппозиций в истории философии. Среди них главное место занимают такие оппозиции, как гениальность/святость, спасение/творчество.

Одним из решающих обстоятельств, определивших своеобразие мышления Н. Бердяева, стал дискурс о власти. Власть для революционных сил является абсолютной. Философ критиковал такой подход, считая, что власть аристократична и таинственна, сопряжена с ответственностью, что неотъемлемо проявляется в ее использовании.

Н. А. Бердяев настаивал на том, что мысль должна полностью отражать бытие сущего, быть частью исторического и экзистенциального процессов. Если бытие погружено в войну, то призвание философа заключается в том, чтобы развернуть войну как тему философии. Это стало основанием для Бердяева критиковать западную философию, в которой он отмечал разлад философствования и реального бытия. Такое положение дел не устраивает русского философа, для него философское слово должно быть событием в мире, должно высветлять противоречия эпохи.

Н. А. Бердяев склонялся к мысли о том, что качеством уникальности должно обладать философское слово, которое выражает сущность происходящего в историческом мире. Философия при такой постановке вопроса является частью бытия личности. Быть личностью — значит признать принципиальные вопросы бытия, обладающие таким качеством, как недосказанность. Философия не может заменить собой сам мир, а значит, она ограничена в своих возможностях, но для нее характерны духовные прозрения.

Согласно Н. А. Бердяеву, философские идеи имеют отправную точку в реальности. Философия представляет собой «живые созерцания духа». Это означает, что метод не всегда оправдывает ожидания от философии. Философия должна стать духовным творчеством, которое преодолевает ограниченность человека. Свободный человек является личностью. Власть и общество представляют собой сдерживающие факторы, которые делают из человека объект, а человек должен быть субъектом.

Литература

1. Усачев, А. В. (2008), *Проблема онтологического статуса религиозного компонента в русской философии конца XIX первой половины XX века*: дис. ... д-ра филос. наук, Тула.
2. Полторацкий, Н. П. (1975), Н. А. Бердяев, в: Полторацкий, Н. П. (ред.), *Русская религиозно-философская мысль XX века: сб. ст.*, Питтсбург, с. 190–204.
3. Соловьев, В. С. (1988), *Сочинения*: в 2 т., т. 1., М.: Мысль.
4. Gaisin, A. (2018), Solovoyov's metaphysics between gnosis and theurgy, *Religions*, vol. 9, is. 11. <https://doi.org/10.3390/rel9110354>
5. Полипчук, Д. С. (2014), Некоторые особенности философии религии И. Ильина, *Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, № 4, с. 15–21.
6. Tsambassis, A. (1964), The Berdyaev's Personalistic Philosophy, *Personalist*, no. 10, Los Angeles, pp. 34–45.
7. Франк, С. Л. (1990), *Сочинения*, М.: Правда.
8. Бердяев, Н. А. (2003), *О назначении человека. Опыт парадоксальной этики*, М.: Фолио.
9. Киейзик, Л.-Б. (2018), Критический марксизм Н. А. Бердяева — период формирования (в свете неопубликованной переписки с К. Каутским), *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 34, вып. 2, с. 177–185. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.204>
10. Бердяев, Н. А. (2007), *Я и мир объектов*, М.: АСТ; Хранитель.
11. Bodea, R.-O. (2019), Nikolai Berdyaev's Dialectics of Freedom, *In Search for Spiritual Freedom Open Theology*, vol. 5, no. 1, pp. 299–308. <https://doi.org/10.1515/oph-2019-0023>
12. Маркс, К. и Энгельс, Ф. (1989), *Немецкая идеология*, М.: Политиздат.
13. Хайдеггер, М. (1993), *Время и бытие*, М: Республика.

14. Шестов, Л. (1993), *Potestes clavium* (Власть ключей), в: Шестов, Л., *Сочинения*, в 2 т., т. 1, М.: Наука, с. 15–311.
15. Бердяева, Л. (2002), *Профессия: жена философа*, М.: Молодая гвардия.
16. Гуссерль, Э. (2000), *Логические исследования*, Минск, М.: АСТ.
17. Rojek, P. (2019), God and Cogito: Semen Frank on the ontological argument, *Studies in East European Thought*, vol. 71, no. 2, pp. 119–140. <https://doi.org/10.1007/s11212-019-09326-5>
18. Бердяев, Н. А. (1989), *Смысл творчества*, М.: Правда.
19. Inishev, I. (2018), Heidegger and Russian philosophizing: The productivity of the distance, *Horizon. Studies in Phenomenology*, vol. 7, no. 2, pp. 546–553. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2018-7-2-546-553>
20. Бердяев, Н. А. (2000), *Судьба России*, М.: Эксмо-Пресс.
21. Лосский, Н. О. (1991), *Избранное*, М.: Правда.
22. Рильке, Р. М. (2003), *Стихотворения*, М.: Радуга.
23. Бердяев, Н. А. (2002), Новое Средневековье, в: Бердяев, Н. А., *Смысл творчества*, М.: АСТ, с. 15–412.
24. Hughes, R. A. (2014), Nikolai Berdyaev's Apophaticism, *St Vladimir's Theological Quarterly*, vol. 58, is. 2, pp. 441–455.
25. Гробер, Е. М. и Бодров, А. А. (2015), Рецепция идей Н. А. Бердяева в современной социально-экономической действительности, *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, т. 13, с. 1476–1480. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85296.htm> (дата обращения: 03.11.2019).
26. Шкода, В. В. (2000), О человеке, который ставил свободу выше Бога, в: Бердяев, Н. А., *Судьба России*, М.: Эксмо-Пресс, с. 5–24.
27. Бердяев, Н. А. (2003), О рабстве и свободе человека, в: Бердяев, Н. А., *Опыт парадоксальной этики*, М.: Фолио, с. 14–329.
28. Дендиберя, А. А. (2015), Идеи Н. А. Бердяева о государстве и праве, *Философия права*, № 7, с. 44–53.

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2022 г.;
рекомендована к печати 7 сентября 2023 г.

Контактная информация:

Усачев Александр Владимирович — д-р филос. наук, доц.; a.usacev@mail.ru

The Peculiarity of N. A. Berdyaev's Philosophical Discourse

A. V. Usachev

Yelets State University named after I. A. Bunin,
28, ul. Communarov, Yelets, 399770, Russian Federation

For citation: Usachev A. V. The Peculiarity of N. A. Berdyaev's Philosophical Discourse. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 4, pp. 682–695. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.407> (In Russian)

To refute the opinion about the chaotic presentation of problems in Berdyaev's texts, the dominant of the unconscious, means to fall into ontological dependence on them. In the literal sense, these are not conclusions drawn on the basis of an analysis of N. A. Berdyaev's work, but quoting the philosopher's self-assessment, to which he resorted more than once. They have no analytical and heuristic value. N. A. Berdyaev's way of thinking simultaneously contains Christian intuitions and an oppositional structure characteristic of philosophical creativity in general. The peculiarities of the Russian philosopher's thinking are reflected in the fact that such types of philosophical creativity as personalism, existentialism, as well as intuitive components of the Eastern Christian worldview are organically combined. In the philosophy of N. A. Berdyaev there are also cosmological components, which contain the statement that the world is entering the era of the third period, which is expressed in its structure contains the

statement that the time for freedom and creativity is coming. The peculiarities of N. A. Berdyaev's thinking can be evaluated from the point of view of aesthetics and uniqueness, which significantly distinguish his way of thinking from the typical development of philosophical thinking of Modern times. According to the Russian philosopher, analysis and splitting cannot serve as a starting point for the thought process. Without creativity and freedom, the philosophy of the non-classical period has no significance and significance, because the potential of formal and dialectical logic has already clearly and fundamentally affected the best examples of classical philosophy. The third level is binarism, which formally has generic signs of the organization of problematic thinking of logocentric sciences, but the specific differences are too striking to pass by them without specifying anything.

Keywords: religious philosophy, existentialism, personalism, logocentrism, dichotomy, binary opposition.

References

1. Usachev, A. V. (2008), *The problem of the ontological status of the religious component in Russian philosophy of the late 19th — first half of the 20th century*: Dr. Sci. thesis in Philosophy, Tula. (In Russian)
2. Poltorackij, N. P. (1975), N. A. Berdyaev, in: Poltorackij, N. P. (ed.), *Russkaia religiozno-filosofskaia mysl' XX veka: sb. st.*, Pittsburg, pp. 190–204. (In Russian)
3. Solovyev, V. S. (1988), *Essays*, in 2 vols, vol. 1, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
4. Gaisin, A. (2018), Solovyov's metaphysics between gnosis and theurgy, *Religions*, vol. 9, is. 11. <https://doi.org/10.3390/rel9110354>
5. Polipchuk, D. S. (2014), Some features of I. Ilyin's philosophy of religion, *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 4, pp. 15–21. (In Russian)
6. Tsambassis, A. (1964), The Berdyaev's Personalistic Philosophy, *Personalist*, no. 10, Los Angeles, pp. 34–45.
7. Frank, S. L. (1990), *Essays*, Moscow: Pravda Publ. (In Russian)
8. Berdyaev, N. A. (2003), *About the appointment of a person. The experience of paradoxical ethics*, Moscow: Folio Publ. (In Russian)
9. Kiejzik, L. (2018), The beginnings of Berdyaev's critical marxism (in light of his unpublished correspondence with Kautsky), *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 34, is. 2, pp. 177–185. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.204> (In Russian)
10. Berdyaev, N. A. (2007), *I and the world of objects*, Moscow: AST Publ.; Khramitel' Publ. (In Russian)
11. Bodea, R.-O. (2019), Nikolai Berdyaev's Dialectics of Freedom, *In Search for Spiritual Freedom Open Theology*, vol. 5, no. 1, pp. 299–308. <https://doi.org/10.1515/opth-2019-0023>
12. Marx, K. and Engels, F. (1989), *German ideology*, Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)
13. Heidegger, M. (1993), *Time and being*, Moscow: Respublika Publ. (In Russian)
14. Shestov, L. (1993), Potestas clavium (The power of keys), in: Shestov, L., *Sochineniia*, in 2 vols, vol. 1, Moscow: Nauka Publ., pp. 15–311. (In Russian)
15. Berdyaeva, L. (2002), *Profession: The philosopher's wife*, Moscow: Molodaia gvardiia Publ. (In Russian)
16. Husserl, E. (2000), *Logical research*, Minsk, Moscow: AST Publ. (In Russian)
17. Rojek, P. (2019), God and Cogito: Semen Frank on the ontological argument, *Studies in East European Thought*, vol. 71, no. 2, pp. 119–140. <https://doi.org/10.1007/s11212-019-09326-5>
18. Berdyaev, N. A. (1989), *The meaning of creativity*, Moscow: Pravda Publ. (In Russian)
19. Inishev, I. (2018), Heidegger and Russian philosophizing: The productivity of the distance, *Horizon, Studies in Phenomenology*, no. 7, no. 2, pp. 546–553. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2018-7-2-546-553>
20. Berdyaev, N. A. (2000), *The fate of Russia*, Moscow: Eksmo-Press. (In Russian)
21. Losskij, N. O. (1991), *Favourites*, Moscow: Pravda Publ. (In Russian)
22. Rilke, R. M. (2003), *Poems*, Moscow: Raduga Publ. (In Russian)
23. Berdyaev, N. A. (2002), The New Middle Ages, in: Berdyaev, N. A., *Smysl tvorchestva*, Moscow: AST Publ., pp. 15–412. (In Russian)
24. Hughes, R. A. (2014), Nikolai Berdyaev's Apophaticism, *St Vladimir's Theological Quarterly*, vol. 58, is. 2, pp. 441–455.

25. Grober, E.M. and Bodrov, A.A. (2015), Reception of N.A. Berdyaev's ideas in modern socio-economic activity, *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept"*, vol. 13, pp. 1476–1480. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/85296.htm> (accessed: 03.11.2019). (In Russian)
26. Shkoda, V.V. (2000), About a man who put freedom above God, in: Berdyaev, N.A., *Sud'ba Rossii*, Moscow: Eksmo-Press, pp. 5–24. (In Russian)
27. Berdyaev, N.A. (2003), About slavery and human freedom, in: Berdyaev, N.A., *Opyt paradoksal'noi etiki*, Moscow: Folio Publ., pp. 14–329. (In Russian)
28. Dendiberya, A.A. (2015), N.A. Berdyaev's ideas about the state and law, *Filosofia prava*, no. 7, pp. 44–53. (In Russian)

Received: February 5, 2022

Accepted: September 7, 2023

Author's information:

Alexandr V. Usachev — Dr. Sci. in Philosophy, Associate Professor; a.usacev@mail.ru